

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 8-9-8 / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-105033-7

Габриель не очень любил вспоминать, как эта тетрадь попала ему в руки. Грязная история. Когда-то давно, в детстве, он с ватагой мальчишек украл у незнакомого мужчины сумку. В ней не оказалось ничего ценного — только сменная одежда и обычная тетрадка.

Эту тетрадь, заполненную бесконечным потоком слов, написанных слитно, без пробелов, Габриель читал десять лет. Это был дневник, написанный от первого лица. О том, как мужчина убивал женщин. С жуткими, ледящими кровь подробностями. Всего семь женщин, семь кошмарных убийств. И когда Габриель перевернул последнюю страницу, он понял: они встретятся. Он и тот самый мужчина, написавший дневник...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105033-7

© Платова В.Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Все персонажи являются плодом воображения автора, возможное сходство с реально существующими людьми остается лишь сходством, не более. Все события, описанные в романе, — вымышлены, все диалоги — придуманы, география и топография — неточны, и единственное, за что может поручиться автор, — истинность переживаний героев.

CARRER DE FERRAN:

ЧЕТНАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ

* * *

...От малоформатных художественных альбомов типа «1000 татуировок», или «1000 блюд восточной кухни», или «1000 ликов утерянной индейской цивилизации» нет никакого проку.

Во всяком случае, за последний год Габриель не продал ни одного.

Альбомы размером побольше, в твердом переплете и с суперобложкой чуть более перспективны, что, несомненно, сказывается на продажах:

«Жизнеописание Гауди» — два экземпляра, «Эдит Пиаф в картинках и фотографиях» — еще два, «Мир гейзеров» — три, «Драконоведение» — тринадцать, хотя давно известно, что драконов в природе не существует. Габриель хорошо помнит всех тех, кто купил в его магазинчике Гауди, Пиаф, гейзерные вакханалии и драконовы манускрипты: десять мужчин, девять женщин и один ребенок, все — с бледными лицами праздных мечтателей, все — с зелеными глазами записных неудачников, все — с безвольными ртами брошенных любовников (к ребенку это, конечно, не относится).

В родном Городе Габриеля редко встретишь бледные лица, зеленые глаза и безвольные рты, вот он и запомнил. Что касается ребенка (мальчика) — на вид ему было не больше десяти. И в магазин он зашел без спутников. «Уж не потерялся ли малыш?» — подумал тогда Габриель.

Потерявшимся малыш не выглядел.

И уроженцем родного Города Габриеля — тоже. Слишком он был светлокожим, слишком зеленоглазым, а впрочем... В мире произошло так много изменений, огромные человеческие массы перемещаются по нему совершенно свободно и оседают, где им заблагорассудится, — подобно песку, дождю или вулканическому пеплу. Не исключено, что малыш живет здесь, на соседней улице, а может, в нескольких кварталах от книжного магазинчика Габриеля.

— Привет, — сказал Габриель мальчику.

— Привет, — ответил мальчик на родном языке Габриеля — испанском.

— Любишь книжки? Идем, я покажу тебе полку с отличными детскими книжками. Ты можешь их полистать, посмотреть картинки... Ты можешь выбрать, что захочешь.

Малыш и с места не сдвинулся. Да и понимает ли он испанский? Вдруг Габриель ошибся, ведь произнесенное без всякого акцента «*Hola!*» ровным счетом ничего не значит: многочисленные туристы, которыми кишмя кишит родной Город Габриеля, плавают в «*Hola!*» как рыба в воде, это первейшее слово, основа основ.

Самое время спросить мальчишку о сопровождающих: негоже, чтобы чье-то десятилетнее сокровище шлялось без присмотра. Чтобы белоснежная, наглаженная (а может, просто новая) футболка шлялась без присмотра. И такие же чистенькие шорты из легкой джинсовки, и безупречные светлые кроссовки с торчащими из них безупречными носками.

Фисташковый. Цвет носков можно определить как фисташковый. Когда Габриелю было столько же лет, сколько этому мальчугану, он с ума сходил по фисташковому мороженому. Он с радостью заменил бы фисташковым моро-

женным всю остальную, гораздо менее привлекательную, а временами — откровенно скучную еду.

О чем мечтал тогда Габриель?

О том, чтобы стать мороженщиком.

На худой конец — пингином, тюленем или белым медведем, живущими на очень далеком, почти мифическом Севере, где доступ к ослепительно-прохлаждному фисташковому мороженому совершенно неограничен. «Все это враки, — убеждала маленького Габриеля сводная сестра Мария-Христина, — всем известно, что пингины, тюлени и белые медведи питаются сырой рыбой, а вовсе не мороженым, а тот, кто думает иначе, — самый настоящий дурачок». Хотя, помнится, Мария-Христина употребила совсем другое слово:

недоумок.

Мария-Христина не имела обыкновения церемониться с Габриелем. Ни когда они были детьми, ни позже, когда они выросли и стали тем, кем стали: Габриель — не слишком удачливым владельцем крошечного магазинчика, торгующего книгами, а Мария-Христина — преуспевающей сочинительницей любовно-авантюрных романов. Слово «недоумок» и всем прочим нелюбимым (*приперченным*) словам, которыми изобилует устная речь Марии-Христины, в этих романах места не нашлось. Совсем напротив, с их страниц на читателя льются патока и сахарный сироп, а сюжеты, состряпанные циничной и предприимчивой Марией-Христиной, имеют такое же отношение к реальной жизни, как тюлени и белые медведи — к фисташковому мороженому.

Насчет пингинов Габриель не уверен до сих пор.

Все из-за старенького маломощного фургончика из детства Габриеля, именно он развозил мороженое. И на боку фургончика был нарисован пингвин. Значит, связь между

пингвинами и мороженым все же существует, как бы ни злорадствовала по этому поводу Мария-Христина. Она злорадствует и по всем остальным поводам, касающимся младшего брата. Бизнес Габриеля, личная жизнь Габриеля, умственные способности Габриеля, несбыточные мечты Габриеля... Впрочем, со времен посрамленного Марией-Христиной симбиоза пингвинов и мороженого Габриель взял себе за правило не делиться с сестрой несбыточными мечтами. Он защищает их от несанкционированного вторжения не хуже цепной собаки — и не его вина, что вдоль охраняемого периметра то и дело (*раз за разом*) возникают брешки.

У Марии-Христины — дьявольская интуиция.

И такая же дьявольская способность находить в человеке слабые места и бить по ним, не раздумывая, не отвлекаясь на сантименты. Просто так — потехи ради или преследуя какую-то свою корыстную цель. Корыстные цели Марии-Христины давно известны Габриелю, ничего сверхвыдающегося или экстраординарного в них нет: жажда денег, жажда славы, жажда власти над как можно большим количеством мужчин, стремление к доминированию и психологическим манипуляциям. Пособие по нейролингвистическому программированию, случайно увиденное Габриелем в дорожном саквояже сестры, — лишнее тому подтверждение.

Габриель никогда бы не потерпел таких книжонок на полках своего магазина. Он не берет на реализацию и романы Марии-Христины, хотя понимает: наличие в ассортименте подобного рода литературы резко улучшило бы дела и привлекло в магазин орды домохозяек со всей округи. А выставленный в витрине плакат с намеком на встречу со «знаменитой писательницей» и вовсе произвел бы фурор. По-другому и быть не может: Мария-Христина — вполне

узнаваемое медийное лицо. Без нее не обходится ни одно ток-шоу, ни одна викторина, ни один лотерейный розыгрыш. Нет темы, по которой Мария-Христина не высказала бы свое веское экспертное мнение — начиная с проблем утилизации ядерных отходов и заканчивая проблемами искусственного вскармливания младенцев и выращивания сорго в промышленных масштабах. Как при таком бешеном ритме псевдообщественной жизни она умудряется выкраивать время для своих опусов — настоящая загадка.

Габриель честно пытался заставить себя прочесть хотя бы десяток страниц, состряпанных Марией-Христиной. И ни к чему, кроме пульсирующей в висках головной боли и яростного желания порвать на клочки столь откровенную литературную мерзость, это не привело. А за краткосрочным приступом ярости следовала долгоиграющая и вполне себе трезвая мысль: **чем писать дрянь, лучше бы ты умерла!** Поначалу Габриель страшно боялся прихода этой мысли, разве что в обморок не падал: он, Габриель, — человеконенавистник, желающий всех и всяческих напастей ближнему? Быть того не может!..

Еще как может.

Чем писать дрянь, лучше бы ты умерла!

Занимайся Мария-Христина не сочинительством, а чем-нибудь другим — кошмарной мысли не возникло бы никогда. Продавщица супермаркета Мария-Христина вызвала бы в Габриеле только нежные чувства; социальный работник Мария-Христина оказалась бы затопленной волнами братской любви; Габриель с готовностью ходил бы за кормом для маленькой собачки официантки Марии-Христины и чинил душ в квартире Марии-Христины — бесхитростной секретарши.

У «знаменитой писательницы» Марии-Христины тоже есть маленькая собачка, Пепа. Габриель ненавидит эту га-

дину не меньше, чем ее хозяйку, о том, чтобы отправиться за кормом для Пепы, и речи не возникает. Да и с чего бы ей возникнуть? — визиты Марии-Христины в дом Габриеля год от года становятся все реже, все краткосрочнее. И Габриель искренне надеется, что со временем они прекратятся совсем. И мысль *чем писать дрянь, лучше бы ты умерла* покинет черепную коробку Габриеля и удалится в неизвестном направлении. Но пока этого не произошло, Габриель, сжав зубы, терпит и сестру, и ее шелудивую собачонку, и ее спутников (закормленных стероидами молодых людей), и ее извечное

недоумок.

— Мой младший брат — недоумок, — с иронией поясняла Мария-Христина своим анаболическим любовникам.

По прошествии некоторого количества лет Габриель перекочевал в разряд старшего брата: Мария-Христина всеми силами старается удержаться на расплывчатом возрастном рубеже «около тридцати». Она ни за что не сдаст своих позиций, хоть бы и небо упало на землю, хоть бы и Лапландия оказалась завоеванной китайцами, вышвырнувшими оттуда Санта-Клауса, и оленей Санта-Клауса, и всех других оленей; так какая перспектива ожидает Габриеля? Стать дядей, а потом — другом отца, а потом — двоюродным дедушкой вечно юной Марии-Христины. При условии, что ее набеги на дом Габриеля не сойдут на «нет» окончательно.

Не сойдут.

Какими бы искренними ни были надежды Габриеля на обратное.

Неуемной Марии-Христине просто необходимо толочь кого-то носом в дерьмо неудавшейся жизни. И Габриель — самая подходящая для этого кандидатура, самая безответ-

ная. Не потому, что Габриель — слабак и никудышник, а потому, что он ни разу не позволил себе воспрепятствовать бесчинствам Марии-Христины. Он ведет себя по отношению к ней как философ и стоик, как самый настоящий старший брат, как любящий друг отца, как всепрощающий двоюродный дедушка. *Бедная ты, бедная*, меланхолично размышляет Габриель, *столько усилий, чтобы удержаться на плаву — и где гарантия, что усилия эти не окажутся напрасными? Что молодые любовники не бросят тебя, а читатели не увлекутся другой, более занятой и менее бездарной беллетристкой. Лишь преданность Пепы не вызывает сомнений, но и здесь тебя поджидает неприятное открытие, бедная Мария-Христина: собаки живут много, много меньше, чем люди. Так что разлука с Пепой по причине ее естественной старости и естественной смерти неизбежна, если, конечно, вы внепланово не погибнете вместе. В какой-нибудь автомобильной, железнодорожной или авиационной катастрофе. Или в результате террористического акта, или от рук психически нездорового человека, а — проще сказать — маньяка, насильника и убийцы.*

Нет-нет, последний вариант ни за что не устроил бы Марию-Христину, слишком постыдным и нелцеприятным он выглядит. Террористический акт тоже вызвал бы у нее негодование, равно как и железнодорожная и авиационная катастрофы: в этих прискорбных случаях счет жертв идет на десятки, а то и сотни, и Мария-Христина автоматически стала бы *одной из...*

Одна из —

вот что категорически не приемлет сестра Габриеля, отравленная случайной и зыбкой славой. Даже ее гипотетическая смерть должна быть эксклюзивной, единственной в своем роде. При этом желательно было бы и вовсе

не умирать, но смерть — *самый лучший информационный повод, который только можно придумать*. В минуты недолгих, надменных и подогретых алкогольными парами откровений Мария-Христина так и заявляет Габриелю:

— Смерть — самый лучший информационный повод, который только можно придумать, недоумок.

— У тебя проблемы с продажей последнего романа? — интересно, сколько раз Габриель задавал сестре этот вопрос?..

— Тиражи могли быть и больше.

— Как у Библии?

— Как у той бестолочи, что посадила человечество на ... м-м-м... Гарри Поттера. Как у того кретина, что родился ахинеей про код да Винчи...

Имен своих более удачливых конкурентов по литературному бизнесу Мария-Христина не запоминает принципиально.

— Через три года о них и не вспомнит никто. Вот увидишь!

— Сомневаюсь. — Габриель иногда позволяет себе подтрунивать над сестрой.

— Ну, через пять!

— Маловероятно.

— Чтоб им сдохнуть! — никак не хочет уняться Мария-Христина.

— Смерть — самый лучший информационный повод, ты сама это говоришь.

— Верно... Тогда пусть живут сто лет и преимущественно — в забвении. В тени былой известности, которая больше не вернется. Как тебе такой вариант, а?

— Ты все-таки очень жестокий человек, Мария-Христина. Бог тебя накажет.

Мария-Христина предпочитает не слышать слов Габриеля, она слишком занята завистью и злобой, снедающими ее хрупкий организм. Определенно, зависть и злоба — не что иное, как раковая опухоль, инфекция, вирус: постепенно они пожирают здоровые клетки, уничтожают красные кровяные тельца, выщелачивают и крошат сочленения позвоночного столба, — недаром в последнее время Мария-Христина все чаще жалуется на боли в позвоночнике. Габриель не знаком ни с одним существом (за исключением Пепы), к которому Мария-Христина относилась бы с симпатией, не говоря уже о любви. То, что она проделывает со своими молодыми спутниками, —

точно не любовь.

Секс — да, изощренный, истерический секс — да, да, да, но (скорее всего) — речь идет о тщеславии. Таким же изощренным и истерическим, как и все, что делает и в чем оказывается замешанной Мария-Христина. А ведь она еще не старая женщина, совсем не старая, ей нет и сорока.

Точно.

Габриелю не так давно исполнилось тридцать, и, учитывая семилетнюю разницу в возрасте, Мария-Христина может претендовать на вполне щадящие и даже феерические тридцать семь. Самое время задуматься о смене деятельности, и о семье тоже, и о том, чтобы родить ребенка. Ребенок — с точки зрения Габриеля — намного предпочтительнее, чем Пепка с ее злокозненным и вздорным нравом. Да хоть бы он был и не злокозненный — в детях (этих маленьких, но каждую секунду растущих, каждую минуту меняющихся людях) гораздо больше смысла.

И гораздо больше надежд, так или иначе с детьми связанных.

Непонятно, на чем зиждется уверенность Габриеля в детях: последний раз он имел с ними дело, когда сам был